

ПЯТЬ ЧАСОВ С ПЕСНЕЙ

АНАТОЛИЙ ГОДИЛО

Мы, рабочие Черкесского завода холодильного оборудования, решили помочь строителям Эркен-Шахарского сахарного завода. Очень хочется приехать туда побыстрее и в то же время приятно, после пыльного и душного города, вдохнуть чистый полевой воздух. Нас обгоняют стремительные «Волги», вихрем проносятся встречные хлебовозы. Из задумчивости меня выводит песня. Сперва она чуть слышна, затем становится все громче и громче. Звонкая, она мчит-ся впереди машины:

...Комсомольцы-добровольцы,
Мы сильны нашей верною
дружбой...

Я угадываю знакомые девичьи голоса, но вот в хор вплелись мужские басы. И полилась песня в поля, которые бегут рядом с нами по обе стороны машины — желтый ковер цветущего подсолнечника, зеленая, в полтора человеческих роста, «королева полей», ровно уложенные рядки золотистой пшеницы. Кажется, что великаны-подсолнухи, слушая песню, опускают на какой-

то миг свои огненные шляпы, точно хотят сказать: счастливого пути.

Машины взбежали на пригорок, и глазам открылась широкая панорама строящегося гиганта Ставрополя — Эркен-Шахарского сахарного завода. Его трубы, корпуса и эстакады видны на многие километры вокруг. Через несколько минут колеса автомобилей мягко шуршат по дороге, ведущей в поселок строителей.

Налево от нас новенькие коттеджи, цветущие клумбы георгин, затем проносится молодой зеленый парк, за ним, чуть поодаль, городок двух-этажных домов. Справа набегают громада корпусов сахарного исполина. Поля, что примыкают к нему, изрезаны железнодорожными паутинами подъездных путей, механизированными эстакадами для разгрузки свеклы. Разгрузка, как потом нам рассказали инженеры, будет производиться гидравлическим методом: две-три минуты, и кузов освобожден от корнеплодов.

Только что окончилась первая смена. Строители, живущие в окрестных хуторах и селах, штурмуют поджидающие автобусы. А место ушедших строителей теперь занимаем мы. Пока

наше «начальство» получает нехитрый инструмент: ведра, веники, ветошь и щетки, мы, задрыв головы и придерживая рукой фуражки, любуемся ловкой и слаженной работой девушек-штукатуров. Они у самой крыши пятого этажа, устроившись на подъемной площадке в два квадратных метра, наводят окончательный лоск на стенах. Руки быстро заделывают щели между панелями, тут же наносят тонкий слой кремевой штукатурки. Девушкам-верхолазам, видимо, не знакомо чувство страха, потому что оттуда доносится задорная песенка:

...Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!

Мы подхватываем бодрую мелодию и приветливо машем им руками.

— Ребятки! Взять инструмент и всем на штурм этажей.

Это нас приглашают на работу. Гомонящей толпой заполняем главный корпус, где в одном из отсеков все пять этажей занимает заводская ТЭЦ. И сразу же со всех сторон несется: «Ого! Вот это да! Махина!» В глаза прежде всего бросаются размеры трех паровых котлов. Каждый котел — величиной с дом, в двадцать с лишним метров высотой. Второй этаж занимают две турбины с генераторами. Электричество будет не

только «крутить» сотни станков, агрегатов, машин и установок, но и управлять заводом. На этом гиганте будут работать в три смены не более пятисот специалистов, в то время как на старых заводах занято почти вдвое больше людей. Все процессы здесь автоматизированы.

В пять минут по винтовым лестницам поднимаемся наверх. Тут будет наше рабочее место. Отсюда мы начнем штурм этажей. Наша задача — убрать, соскоблить и вымыть грязь, что оставили в спешке монтажники. Несмотря на все уважение к этим людям, мы не упустили случая помянуть их недобрый словом — уж больно много грязи...

Сначала мы с товарищем обрадовались: нам попались металлические щетки-скребки, другим — ведра, чтобы носить воду снизу наверх, «слабому» полу — девушкам вручили веники и тряпки. Но вскоре мы пожалели, что стали обладателями скребков. Засохшие куски цемента и грязи не поддавались никаким щеткам, и мы, потя, набивая мозоли и глотая противную пыль, ползали на четвереньках и отчаянно скребли, скребли... Наши рубашки приняли грязно-серый цвет с множеством подтеков и черных пятен. — Вот так забава, — пробует шутить мой напарник.

— Нажмем, ребятки, — подбадривает нас старший, и из-под его скребка пучками сыпятся искры.

Так, помогая друг другу, мы «наваливаемся» сотнями рук на эту забаву с новой силой. И кажется, что не будет конца этой пыли, этим этажам, хотя лучи солнца уже позолотили потолок. Значит, вечер близок. И вот в самый разгар работы, когда пыль, поднятая скребками и вениками, плотно укутала каждого из нас, я уловил откуда-то снизу нарастающий игривый напев:

Часы пробили точные.
В цехах веселый шум.

А вскоре эта песенка, просачиваясь сквозь металлические решетки полов, завладела нами всеми. И, забыв об усталости, руками размазывая по лбам струившийся пот, еще с большим ожесточением нажимаем на скребки. Девушки быстро вымывают полы.

Три часа аврала — три этажа засверкали чистотой в лучах заходящего солнца. Строго и величаво, поблескивая красивыми надраенными боками, поднимаются вверх паровые котлы, заискрились трубы в обхват человеческих рук, маховички, заслонки, люки. В это время появляется начальник ТЭЦ—Борис Иванович Тукалевский. Высокий, худощавый, чисто выбритый, в белой

рубашке, он неторопливо прошел по своим владениям. Оставшись довольным нашей работой, тихим голосом, с сильным украинским акцентом, сказал:

— Шабаш, хлопцы! За помощь — спасибо!

Мы обступаем Бориса Ивановича. Посыпались вопросы. Отвечая, он на какой-то миг замолчал, прислушался. Где-то там, за котлом, девушки, глядя по очереди в осколок зеркала, тихонько пели:

Пропел гудок заводской,
Конец рабочего дня.

Протяжная, немного грустная девичья мелодия тронула в душе инженера, видимо, какую-то струнку. Кто знает, может быть, он сейчас увидел себя вот таким же молодым и бесшабашным, лет тридцать назад начинающим свою рабочую жизнь на одном из сахарных заводов Украины.

Словно очнувшись от своих дум, Борис Иванович предложил:

— А не хотите ли вы посмотреть наш завод? Так и быть, все расскажу о нем.

Все опускаемся к турбинам. Это сердце исполина. Здесь будет зародиться его жизнь. Шесть месяцев — сто восемьдесят суток в году, день и ночь без перерыва и отдыха турбины будут питать энергией завод. Столько же времени завод будет готовиться к следующему сезону. Около

сорока минут мы слушаем увлекательную повесть — летопись великой стройки. Многие из нас, пожалуй, впервые узнают из рассказа инженера о том, как сложен и интересен процесс варки сахара. Пятьдесят тысяч центнеров свеклы в сутки будет перерабатывать предприятие.

И нигде здесь нет места тяжелому физическому труду. И ничто не пропадет на заводе. Центнер сладких корней даст двенадцать-пятнадцать килограммов сахара, остальной продукт пойдет на дальнейшую переработку. Из него получают дрожжи, сладкую патоку, ценный питательный корм для животных — жом, и, наконец, минеральные удобрения.

...Прощальным взглядом окидываем с высоты всю стройку, почти готовый к пуску завод. Домой возвращаемся поздним вечером. Моя соседка, от-вернувшись от встречного ветра, запела:
Ночи даль огнями
вышита...

Песню подхватили молодые крепкие голоса. И всем нам стало легко от этого необычного трудового дня, от этих пяти часов с песней, что мы провели на Эркен-Шахарском сахарном, и от того, что смогли помочь нашим товарищам.